

Валерий Энгель, к.и.н.,
директор Института изучения проблем национальной политики и
межнациональных отношений (Москва), ст. научный сотрудник Центра
анализа правого радикализма (Лондон)

СОВРЕМЕННЫЙ РАСИЗМ. НОВЫЕ ФОРМЫ, СТАРОЕ СОДЕРЖАНИЕ.

Современный расизм оперирует не понятиями «расы», а понятиями «несовместимости культур», «защиты коренных «культурных ценностей», «столкновения цивилизаций» и т.д., причем культурное разнообразие внутри государства рассматривается им исключительно как угроза. Принципиально важную роль в этом дискурсе играет противопоставление «коренных» народов «некоренным», опирающиеся на культурные аргументы. Таким образом, понятие "раса" замещается понятием "культура", но все остальные составляющие расовой теологии остаются в неизменности. Именно эта проблема является сегодня наиболее острой в Европе, ведь многие политики и часть общества считают ее политкорректной и отказываются воспринимать ее как проблему дискриминации меньшинств.

Считается, что разные расовые и этнические группы, обладающие *разным культурным кодом*, не имеют шансов ужиться друг с другом. При этом важно понимать, что, в отличие от Америки, в Европе и, частично, в Азии и Африке, популярные представления о «расе» и «этнической группе» часто сливаются и местные расисты не проводят различий между «расой» и «народом». В этом случае расизм полностью сливается с этнонационализмом и грозит дегуманизацией инокультурных «других» и этническими чистками, по типу тех, которые произошли в 90-х гг. в бывшей Югославии.

В дискурсе современного расизма принято считать, что необходимо ограничить влияние культуры меньшинства на культуру коренного большинства. Для этого обычно используется три способа:

- 1) Ограничение притока в страну представителей других культур, в том числе, ограничение иммиграции в целях ограничения культурного влияния меньшинства.
- 2) Сокращение присутствия в стране представителей иной культуры. Для этого используются самые разные инструменты экономического, политического или культурно-образовательного

характера, с помощью которых нежелательных людей другой культуры заставляют уехать из страны.

- 3) Культурная ассимиляция меньшинств, которая объявляется благом для национального меньшинства, причем все чаще она подменяется словом «интеграция». Хотя интеграция – это улица с двухсторонним движением, а ассимиляция – это всегда движение в одну сторону – в сторону большинства.

Необходимо различать добровольную и принудительную ассимиляцию.

Очевидно, что **добровольная ассимиляция** не может считаться признаком современного расизма, поскольку остается право выбора. И это абсолютно нормально, когда человека имеет право выбора своей культурной идентичности.

Признаком расизма является **насильственная ассимиляция**, т.е. политика, направленная на принудительную смену идентичности. Она включает в себя: лишение представителей национального меньшинства права выбора в вопросах своего образования и культуры; безальтернативное навязывание меньшинству культуры большинства; уничтожение образовательной инфраструктуры национальных меньшинств, включая частные школы и университеты, сопровождаемое тотальным запретом на образование на языках национальных меньшинств; запрет на использование языка нацменьшинств во взаимоотношениях с органами власти и даже в быту.

Т.е. современный расизм предполагает насильственные действия, направленные на ограничение влияния другой культуры.

Поэтому, если классический расист 19-20 вв. открыто говорит о том, что ему не нравятся представители такой-то расы, то расист 21-го века говорит, например, что ему не нравятся мечети, потому что они портят облик европейских городов, а также призывает навязать соседу другую идентичность, чтобы дать ему равные возможности.

Повторю, речь идет, прежде всего о тех странах, где классический расизм давно перестал быть политкорректным и находится вне закона. Но можно ли сказать, например, что в этих, например европейских странах, есть такие, которые с полным основанием можно отнести к исповедующим современный расизм?

Нет, пока этого нельзя утверждать, но такие тенденции налицо. Речь идет об отказе в приеме беженцев под предлогом защиты культуры большинства; о лишении гражданства бывших иммигрантов без решения суда; о все более жестких запретах на ношение религиозной одежды в общественных местах; речь идет о целенаправленном разрушении существующей инфраструктуры билингвального образования или образования на языках нацменьшинств; о безальтернативном запрете преподавания в школах национальных меньшинств на языках национальных меньшинств, включая частные учебные заведения, причем в отдельных странах разговор сегодня ведется о введении уголовной ответственности за призывы к официальному многоязычию; о целенаправленном сокращении числа СМИ на языках национальных меньшинств; речь идет также о появившейся практике изъятия детей мигрантов-мусульман из своих семей с целью знакомства с европейскими ценностями, среди которых оказались православная Пасха и Рождество и т.д.

Следует признать, что речь в основном идет о странах, где праворадикалы входят в правящую коалицию, но таких стран становится все больше. Чем руководствуются праворадикальные режимы, внося элементы современного расизма в свою политику?

Прежде всего, они боятся больших групп меньшинств, которые они хотят ассимилировать. Для тех, кто не желает ассимилироваться, они стремятся создать невыносимые условия, с тем, чтобы заставить их уехать. Кроме того, они решают электоральные задачи, поскольку число националистически настроенных избирателей, напуганных миграционными процессами, стремительно растет.

Часто они мотивируют свои действия местью за то зло, которое, согласно национальной традиции, было совершено в отношении этого большинства десятки, а то и сотни лет назад. Или местью исторической родине, откуда берут свое происхождение меньшинства. Так давно доказано, что всплески антисемитизма, инициируемые радикалами в Европе связаны с обострением арабо-израильского конфликта, рост антиисламских выступлений - с террористической активностью ДАЕШ, а эскалация русофобии - с российско-украинским конфликтом. Т.е. меньшинства становятся заложниками внешних обстоятельств, на которые они не могут повлиять.

В результате мы сталкиваемся с целой группой новых, а на самом деле старых, рисков:

Во-первых, это политические риски:

1. Расизм возвращается в политический дискурс, пусть и в другой форме.
2. В странах, допускающих проявления современного расизма происходит трансформация концепции национального государства. Эти страны постепенно возвращаются к концепции второй половины 19 века, согласно которой нация представляется как нечто сплоченное, монолитное, когда все думают, как один. Обществу навязывается взгляд на нацию как на коллективную личность, обладающую суммой национальных ценностей, включая язык и культуру, которые должны проявляться в поведении всех и каждого. Такое общество постепенно начинает двигаться в сторону гомогенности и монокультурности.
3. *В конфликте между демократическими ценностями, подразумевающими право выбора и многообразие, и интересами монокультурного общества* в странах, подверженных влиянию современного расизма, *постепенно победу одерживают интересы.* Это ведет к плавной трансформации демократических обществ в универсальные государства, стремящиеся контролировать все сферы жизнедеятельности общества и, как следствие, к дефициту демократии.
4. Наконец, в странах, насильно навязывающих меньшинству культуру большинства, резко *повышаются риски межрасовых и межэтнических конфликтов.* Кроме того, сегодня численность мусульман-мигрантов в Европе, которые не желают ассимилироваться, составляет примерно 30%. Среди представителей ирреденты Восточной Европы эта численность достигает 85%. Это именно та среда, где наиболее эффективна работа радикальных организаций, который заполняют собой вакуум, возникший после отказа государства заниматься вопросами образования, в т.ч. религиозного, и культуры национальных меньшинств.

Во-вторых, это риски в социально-культурной сфере:

1. *Риск резкого падения качества образования среди представителей меньшинств.* Не может быть никаких равных шансов у ребенка, который получает образование на родном языке и у ребенка, который получает образование на чужом языке, тем более в условиях компактного проживания общин, когда у детей нет опыта повседневного общения на других языках. Характерно, что власти прекрасно осознают этот риск. В недавних тезисах министерства культуры одной из европейских стран по поводу перехода на язык большинства в образовательных программах школ национальных меньшинств говорилось: «не так страшно, если учащиеся не поймут физику, гораздо важнее, что увеличится роль государственного языка». Т.е. этот риск осознается и на него сознательно идут в целях сокращения влияния другой культуры.
2. Соответственно возникает *риск отсутствия равных шансов на рынке труда у выпускников из семей этнического меньшинства и этнического большинства*, которые получали образование на родном языке. Очевидно, что люди с разным уровнем образования не могут иметь одинаковые шансы найти хорошую работу.
3. *Риск ментальной дезинтеграции и маргинализации детей из семей национальных меньшинств.* Все ведущие эксперты в области образования считают, что понятийный аппарат ребенка должен формироваться на родном языке. В связи с этим, столь грубое вмешательство в учебный процесс, когда уже в начальной школе половина предметов должна будет преподаваться на неродном языке, наносит большой вред развитию личности ребенка.

Проблема новых форм расизма должна стать предметом пристального внимания международных организаций. Необходимо поддержать мониторинг и исследования в этой области с целью разработки новых (или ревизии старых) международных документов, направленных на борьбу с расизмом и защиту прав национальных меньшинств.

В них должно быть учтено следующее:

- Необходимо признать наличие новых форм расизма.
- Принудительная ассимиляция должна быть признана формой нового расизма, инструментом новой расовой политики, направленной на уничтожение культуры меньшинств. Никакие обоснования насильственной

ассимиляции, типа интересов интеграции или обеспечения равенства, не должны быть приемлемы. Для этого необходимо выработать критерии принудительной ассимиляции, не позволяющие свободного толкования.

- Необходимо дать четкое определение национального меньшинства, не позволяющего широкого толкования со стороны правоприменителя. Оно должно быть основано на **самоидентификации**, основанной на двух факторах – этнического происхождения и родного языка и культуры.

Сегодня ни один из международных документов, включая Рамочную конвенцию о правах национальных меньшинств Совета Европы, не дает такого определения. Это позволяет государствам-участникам разнообразных антирасовых конвенций делать оговорки относительно того, какой народ является национальным меньшинством в их стране, а какой – нет. Кроме того, почти в каждом из этих международных документов есть лазейки, позволяющие оправдать насильственную ассимиляцию целями интеграции (например, п. 5.2. РКНМ).

Понятно, что международные документы, как правило, являются результатом компромисса, но сегодня такой компромисс уже играет не на стороне демократии.